

ГЛАВА XVII. КОНЕЦЪ ГЕРМАНСКОЙ ОРИЕНТАЦІИ.

46.

Пострѣляли, для приличія, денекъ — другой, и принялись — кто за дѣло, кто за говореніе. На бульварѣ «Подъ липами» кое гдѣ стекла разбиты пулеметами; бѣлыя пятна на камняхъ многихъ домовъ — но революція, пока-что, была здѣсь «безкровная», т. е. ... малокровная. Разложеніе во флотѣ, моральная капитуляція главной квартиры, предложившей непріятелю перемиріе, («нервы не выдержали») отреченіе Императора, подъ давленіемъ западныхъ демократій, — вотъ нервъ этого переворота. Теперь большинство думаетъ въ Германіи объ одномъ — какъ бы не повторить большевиковъ.

... Выраженіе лицъ — куда болѣе будничное, чѣмъ въ Петербургѣ, въ февралѣ или въ октябрѣ 1917 г. Но что за волшебный поворотъ исторіи — германцы очищаютъ лѣвый берегъ Рейна, французы вступаютъ въ Эльзась, — безъ боя, съ распушенными знаменами, союзники занимаютъ Кельнъ, Кобленцъ и Майнцъ. Конецъ Гогенцоллерновъ, Габсбурговъ, Австро-Венгріи, генералитетовъ и канцлеровъ. Но что еще впереди?

Въ Берлинѣ я не имѣлъ времени для размышленія о всей глубинѣ «паденія», послѣдовавшаго такъ стремительно, за «величіемъ» Срединной Европы: надо было дѣйствовать. «Дѣйствовать», въ этотъ моментъ, значило, для меня, *передвигаться* съ возможною быстротою, по направленію къ столицамъ побѣдоносныхъ нынѣ державъ. Цѣль-же этого передвиженія заключалась, очевидно, въ «установленіи контакта» съ правительствами англійскимъ и французскимъ, главными отнынѣ распорядителями Европы.

Участокъ пути, требовавшій наибольшаго спортивнаго напряженія (по условіямъ ноября 1918 г.), а именно, — Константинополь — Берлинъ, я уже, такъ сказать, «покрылъ». Теперь надлежало повторить мою лѣтнюю поѣздку въ Христіанію и тамъ пожать плоды моего тогдашняго посѣва, въ видѣ полученія визы на проѣздъ въ Лондонъ, въ качествѣ грузинскаго эмиссара.

Что касается А. Чхенкели, то теперь — но только теперь — и онъ убѣдился, что пребываніе его въ Берлинѣ... нѣсколько затянулось. Понадобилось полное пораженіе Германіи и революція чтобы его въ этомъ убѣдить; и потребовалась шальная революціонная пуля, разбившая съ улицы окно въ его помѣщеніи, чтобы онъ, наконецъ, рѣшился его очистить. Впрочемъ маршрутъ перваго его передвиженія былъ несложенъ: Ч. переѣхалъ въ другую комнату — въ томъ же отелѣ Адлонъ, только окнами во дворъ.

Рѣшено было отправиться мнѣ авангардомъ въ Лондонъ и Парижъ. Одновременно посланы были для работы на «флангахъ» Мих. Церетели — въ скандинавскія столицы, М. А. Сумбатовъ — въ Швейцарію: они подвергли методическому обстрѣлу своей пропаганды дипломатовъ «согласія» въ этихъ нейтральныхъ странахъ,* т. е. продолжали работу, начатую въ Христіаніи.

Что касается соглашеній нашихъ съ Германіей, политическаго и экономическихъ, о которыхъ въ подробности изложено выше (п. п. 35 и 41) то вся ихъ совокупность такъ и осталась — въ проектѣ. Политическое соглашеніе (готовое въ началѣ октября 1918 г.) никогда и не было подписано; вслѣдствіе этого, *никогда не вступали въ силу* и подписанныя нами 12-го іюля 1918 г. спеціальныя экономическія соглашенія. Даже само формальное признаніе независимой Грузіи германскимъ правительствомъ (противъ чего Россія заранѣе обязалась не возражать, согласно ст. 13 добавочнаго къ Брестъ-Литовскому договору) уже не могло состояться, въ виду кореннымъ образомъ измѣнившагося политическаго положенія.

Какъ ни глубоко было политическое униженіе Германіи послѣ принятія условій перемирія 11-го ноября 1918 г. и

*) Нѣсколько позже переѣхалъ въ Швейцарію и А. Чхенкели. Министромъ иностранныхъ дѣлъ Грузіи былъ (въ началѣ ноября) назначенъ Е. Гегечкори. Другихъ измѣненій въ личномъ составѣ грузинскаго правительства въ связи съ концомъ «германской оріентаціи» не произошло.

послѣ революціи, дѣйствительная мѣра этого униженія не была еще ясна и не сознавалась даже самыми вдумчивыми людьми. Напримѣръ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ вѣрили (или дѣлали видъ, что вѣрятъ!) еще въ возможность осуществленія грузино-германскихъ проектов! «Но постарайтесь поскорѣе склонить на вашу сторону державы согласія. Это будетъ для васъ дѣломъ труднымъ такъ какъ державы эти, въ стремленіи поскорѣе возстановить единую Россію, будутъ противъ в. окраинъ. Кромѣ того, армяне сдѣлаются теперь естественно любимцами «Антанты». Имъ постараются утереть слезы — и претензіи ихъ на ваши уѣзды — Борчалинскій, Ахалкалакскій будутъ теперь для васъ опасны» — таковы были предположенія, высказанныя д-ромъ Геппертъ въ послѣдней моей съ нимъ бесѣдѣ (14-го ноября 1919 г.)

По словамъ Г., грузинское правительство въ этотъ тяжелый для Германіи моментъ показало генералу Крессу въ Тифлисѣ много деликатности и вниманія.*)

«Смутное время и у насъ» — замѣтилъ Г. «Да, утѣшилъ я его, «теперь вы займетесь тою задачею, которую, въ скромномъ масштабѣ, старалось разрѣшить грузинское правительство: демократія и социализмъ — безъ «большевизма». Заднимъ числомъ, вы, можетъ быть, воздадите теперь Грузіи должное.**)

Съ своей стороны, Грузія уже воздала должное Германіи: ея поддержка несомнѣнно облегчила первые мѣсяцы грузинской независимости. Но то, что называлось «германской ориентацией» Грузіи не имѣло уже подъ собою почвы въ измѣнившихся политическихъ условіяхъ Европы.

47.

Брестъ-Литовскій договоръ, со всѣми дополнительными къ нему соглашениями, признанъ былъ утратившимъ силу (п. XV условій перемирія съ Германіей, подписанныхъ 11 ноября 1918 г.) какъ съ точки зрѣнія союзниковъ, такъ и въ

*) Въ Тифлисѣ вмѣстѣ съ германской миссіей оставалось еще 500 человекъ германскихъ войскъ, эвакуированныхъ нѣсколько позже. Всего германцы пробыли въ Грузіи около пяти мѣсяцевъ (іюнь-ноябрь 1918 г.).

**) Въ официальныхъ германскихъ сужденіяхъ о Грузіи 1918 г. несомнѣнная симпатія смѣнивалась съ ужасомъ образцовыхъ чиновниковъ, при видѣ разныхъ революціонныхъ не порядковъ и недостаточной дѣловитости грузинскихъ правителей. Но откуда-бы они ее взяли, эту дѣловитость!

отношеніяхъ между Германіей и совѣтской Россією. (Московское правительство сообщило германскому ноябрю, что не считаетъ себя болѣе связаннымъ Брестъ-Литовскимъ договоромъ); и хотя тѣмъ самымъ, на благо Грузіи и Арменіи, наносился ударъ вновь приобретеннымъ правамъ Турціи на три санджака (Батумъ, Карсъ, Ардаганъ), но, съ другой стороны, уничтожалось и постановление ст. 13 «добавочнаго» русско-германскаго договора 27-го августа, содержащей замаскированное признаніе грузинской независимости Совѣтскимъ правительствомъ (см. выше, п. 36); и это былъ несомнѣнно шагъ назадъ въ дѣлѣ международнаго упроченія независимости Грузіи.

Центръ всѣхъ признаній, рѣшеній, поддержекъ и поощреній перемѣщался на Западъ, въ Парижъ, гдѣ долженъ былъ собраться конгрессъ или конференція побѣдителей. Путь же въ Парижъ лежалъ для насъ черезъ Лондонъ, не только по географическимъ условіямъ тогдашнихъ сообщеній, но и политически: перемиріе съ Турціей, главнымъ непріателемъ на азиатскомъ Востокѣ, было дѣломъ рукъ великобританскихъ и закавказскія страны принимались въ соображеніе, какъ одинъ изъ театровъ кончавшейся войны, именно въ конвенціи о перемирії съ Турціей, подписанной британскимъ адмираломъ Артуромъ Колсорпъ (Calthorpe) 30 октября 1918 г.*) Кромѣ того, и по условіямъ дислокаціи союзныхъ войскъ на Востокѣ, и въ виду особаго положенія, которое Англія явно стремилась тамъ занять, слѣдовало ожидать въ гости въ Закавказье именно англичанъ, а не кого другого. Представлялось, поэтому, необходимымъ какъ можно скорѣе вступить въ непосредственное сношеніе съ британскимъ правительствомъ въ Лондонѣ, чтобы подготовить съ этой стороны «приспособленіе» независимой Грузіи къ новой международной обстановкѣ, въ особенности когда сама эта «обстановка», въ видѣ англійскихъ войскъ, собиралась вступить въ наши предѣлы.

Вступали они туда, конечно, въ качествѣ «войскъ союзныхъ державъ» — на мѣсто уходившихъ теперь съ Кавказа

*) Конвенція эта, подписанная на борту «Агамемнона», въ портѣ Мудросъ (на остр. Лемносъ) и составленная на англійскомъ языкѣ, носитъ съ турецкой стороны подписи Рауфъ-бая (нынѣ, въ 1923 г., главы ангорскаго правительства) и Решадъ-Хикмета, мною выше уже упомянутыхъ. Текстъ см. напр., въ 1-омъ томѣ A History of the Peace Conference of Paris ed. by H. W. V. Temperley. L. 1920. P. 495-7.

германо-турковъ. Но никакой опредѣленной союзной политики въ кавказскихъ дѣлахъ не могло еще, конечно, сложиться; у англичанъ же такая политика могла быть, и выясненіе этой политики, согласованіе съ нею, или, по-просту говоря, использование ея въ интересахъ охраненія и укрѣпленія грузинской независимости становилось основной очередной задачей; тѣмъ болѣе что самый текстъ мудросской конвенціи совершенно игнорировалъ закавказскія государственныя новобразованія.

Это не значитъ, что конвенція это игнорируетъ Закавказье. Напротивъ, она рассматриваетъ его какъ добро, поступающее нынѣ подъ контроль союзниковъ. Ст. XI касается очищенія закавказскихъ провинцій (какъ и сѣверо-западной Персіи) турецкими войсками. Ст. XV говоритъ объ установленіи союзнаго контроля по закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто турецкаго. Дороги переходятъ въ «свободное и полное» распоряженіе союзниковъ (съ принятіемъ во вниманіе нуждъ населенія). Батумъ будетъ занятъ союзниками. Турція соглашается и на занятіе ими Баку*).

Ни Грузія, ни Азербайджанъ при этомъ не упомянуты: официально въ это время время они не существуютъ еще для союзниковъ. Кавказская Арменія также не упомянута. Зато есть многозначительный намекъ въ ст. XXIV, предоставляющей союзникамъ право занимать части *шести армянскихъ вилайетовъ*, въ случаѣ безпорядковъ.

Когда Турція поставлена на колѣни, а всеильный побѣдитель дѣлаетъ такой намекъ, то для большинства нѣтъ сомнѣній: армянамъ *объщаны шесть вилайетовъ*. Небольшое усиленіе «толкованія», и выводъ ясенъ: «союзники рѣшили создать независимую Арменію — съ отнесеніемъ къ ней шести турецкихъ вилайетовъ».** Какъ не воспрянуть духомъ — эриванскимъ армянамъ, сжавшимся подъ турецкимъ нажимомъ лѣта 1918 г.? Конечъ турецкой окупаціи; вмѣсто нея — британская окупація и «шесть вилайетовъ». Наша взяла — теперь

*) Это «согласіе» Турціи на занятіе союзниками не принадлежавшаго вовсе туркамъ Баку упомянуто было, вѣроятно, безъ особыхъ заднихъ мыслей. Позже въ этомъ усмотрѣли направленную противъ Россіи англійскую интригу. См. напр. письмо хорошо освѣдомленнаго автора V. M. въ Times, 10 апрѣля 1920 г. (The Future of Baku. Turkey and Azerbaijan).

***) Это соответствовало не только традиціи армянскихъ политическихъ дѣятелей, но и чисто кабинетнымъ взглядамъ многихъ арменофиловъ въ Европѣ и Америкѣ.

можно и разжаться: Грузія почувствуетъ на себѣ всю энергію этого настроенія, когда, въ декабрѣ 1918 года, эриванское правительство дастъ своимъ войскамъ приказъ занять Борчалинскій и Ахалкалакскій уѣзды 6. Тифлисской губ. Но это эпизодъ сравнительно маловажный.

Гораздо хуже было то, что теорія «шести вилайетовъ» вкрапленная очень неосторожно въ текстъ чисто военнаго документа создало «настроеніе» и среди турокъ: не одинъ ножъ зажался въ мускулистой рукѣ.

Достойнымъ образомъ начиналось одно изъ самыхъ отвратительныхъ проявленій политическаго дилеттантизма новаго времени: разрѣшеніе армянскаго вопроса великими западными демократіями.*)

*) Сводку заявленій, болѣе или менѣе официальныхъ, и во всякомъ случаѣ очень отвѣтственныхъ, сдѣланныхъ, преимущественно въ 1918 г., руководящими государственными людьми, какъ президентъ Вильсонъ, Ллойдъ Джорджъ, Клемансо, Бальфуръ и др. по армянскому вопросу (въ томъ смыслѣ, что освобожденіе Арменіи составляетъ одну изъ цѣлей войны) можно найти въ изданіяхъ армянскихъ организацій, напр. въ брошюрѣ *The Case of Armenia*, изданной въ 1919 г. Армянскимъ національнымъ союзомъ въ Америкѣ (The Armenian National Union of America). Отмѣчу особенно резолюцію, внесенную въ Сенатъ С. А. С. Штатовъ извѣстнымъ сенаторомъ Ладжъ (Lodge) 10 декабря 1918 г., согласно которой будущая независимая Арменія должна включатьъ Турецкую Арменію (въ составѣ шести вилайетовъ и Киликію), русскую Арменію и сѣверную часть перс. Азербайджана (персидская Арменія). Приложенная къ цитируемому изданію карта будущей Арменіи проводитъ с.-в. границу ея по р. Куръ (прибл. отъ Елисаветполя до впаденія въ Каспійское море). Арменія омывается (на этой картѣ) тремя морями: Чернымъ, Средиземнымъ и Каспійскимъ.

ГЛАВА XVIII. КУРСЪ НА ЗАПАДЪ.

48.

19 ноября 1918 г., т. е. спустя какую-нибудь недѣлю послѣ капитуляціи Германіи, я выѣхалъ изъ Берлина въ Христіанію, куда прибылъ 21-го. Англійскій посланникъ былъ въ отсутствіи, и просьба моя о разрѣшеніи вѣзда въ Лондонъ была передана туда повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Овей, съ которымъ какъ впрочемъ и съ французскимъ посланникомъ г-омъ Эдмондомъ Бапстъ, я продолжалъ теперь начатыя лѣтомъ бесѣды на кавказскія темы. Г. Овей сообщилъ, между прочимъ, что въ отвѣтъ на донесеніе о моемъ сентябрьскомъ разговорѣ съ сэромъ Мэнсфильтъ Финдлей, британской миссіи поручено было изъ Лондона запросить отъ меня свѣдѣнія по цѣлому ряду вопросовъ, касающихся фактическаго положенія въ Закавказьи и на Сѣверномъ Кавказѣ. Свѣденія эти не могли быть тогда-же отъ меня получены, вслѣдствіе моего возвращенія въ Берлинъ: теперь я успѣшилъ удовлетворить любопытность лондонскаго министерства.

Ходатайство мое — о разрѣшеніи приѣзда въ Лондонъ, по порученію грузинскаго правительства, въ связи съ вопросомъ о признаніи послѣдняго, не было очевидно ходатайствомъ совершенно обычнымъ. Оно было, по моей просьбѣ, поддержано передъ англійскимъ правительствомъ г. Оливеромъ Уордропъ*)

*) Джонъ-Оливеръ Уордропъ (нынѣ сэръ Д. О. У.), видный представитель великобританской консульской службы и англійской университетской культуры, также какъ сестра его, миссъ Марджори Уордропъ (умер. 1909), посвятилъ много времени и труда исторіи и литературѣ Грузіи. Изъ работъ его въ этой области укажу здѣсь только на блестяще написанное предисловіе къ (сдѣланному его сестрою) прозаическому англійскому переводу

изъ Бергена; а въ Лондонѣ объ ускореніи этого разрѣшенія долженъ былъ хлопотать Д. Гамбашидзе, имѣвшій нѣкоторыя связи въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. И съ однимъ, и съ другимъ я снесся немедленно по прибытіи въ Норвегію. Въ самомъ началѣ декабря разрѣшеніе было получено, и «согласно инструкціи Главнаго Секретаря Е. В. по внѣшнимъ дѣламъ» — таковымъ былъ тогда Бальфуръ — «дипломатическая виза» украсила мой паспортъ — первое проникновеніе независимой Грузіи въ тотъ лагерь, — послѣ пятимѣсячнаго прохожденія сквозь «огонь и мѣдныя трубы» Средней Европы. «Проникалъ» пока я одинъ, и этому не помѣшало столь грѣшное пребываніе въ Берлинѣ. Единственная оговорка, сопровождавшая допущеніе мое въ Лондонъ, заключалась въ томъ, что «предоставленіе мнѣ льготной визы не означаетъ, однако, еще признанія грузинскаго правительства». Въ этомъ, конечно, и сомнѣнія не было: я и ѣхалъ-то въ Англию, чтобы «подготовить почву» для такого признанія.

Морскія сообщенія Норвегіи съ Англійей находились подъ строжайшимъ военнымъ контролемъ. Прибывъ въ Бергенъ 7-го декабря, я обезпечилъ себѣ мѣсто на пароходѣ, отходящемъ въ Англию 9-го числа. Тогда - же, т. е. 7-го декабря мнѣ удалось повидать и впервые познакомиться съ Оливеромъ Уордропъ, британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бергенѣ. Это былъ впрочемъ, послѣдній день его тамъ пребыванія: онъ возвращался теперь съ семьей въ Англию.

Что «эмиссаръ» Грузіи у самого порога въ предѣлы Великобританіи долженъ былъ встрѣтить и получить поддержку стараго испытаннаго друга грузинскаго народа — въ этомъ было нѣчто провиденціальное. О. Уордропъ былъ, вѣроятно, очень огорченъ грузино-германскимъ сближеніемъ 1918 го-

знаменитой поэмы Руставели «Человѣкъ въ барсовой кожѣ» (*The Man in the Panther's Skin. A Romantic epic by Shol'ha Rust'haveli. A close rendering from the Georgian attempted by Marjory Scott Wardrop. London. 1912.* Изданіе Королевскаго Азіатскаго Общества) и на сдѣланный имъ переводъ *Visramiani*, т. е. древне-грузинской версіи чрезвычайно важнаго памятника до-мусульманской литературы Персіи, не сохранившагося въ пехлевійскомъ подлинникѣ, но дошедшаго до насъ въ персидской (стихотворной) и грузинской (прозаической) редакціяхъ. (*Visramiani. — The story of the loves of Vis and Ramin. A romance of ancient Persia. Translated from the georgian version by Oliver Wardrop. L. 1914.*).

да; однако, его глубокая привязанность къ Грузіи говорила въ немъ сильнѣе всего. Мы могли рассчитывать на его помощь и въ Лондонѣ.

...Бергенъ расположенъ красиво подъ утесами, у фіорда. «Нѣмецкая пристань», въ ганзейскомъ духѣ, очень характерна. Во всемъ чувствуется соленый запахъ моря, точнѣе — океана, на другомъ концѣ котораго — Америка; — зажиточность, предприимчивость, вмѣстѣ съ непоколебленной еще простою жизненнымъ укладомъ и легкою обозримостью всей жизни — преимущество небольшихъ культурныхъ народовъ и такихъ же городовъ!

9-го декабря, темною ночью, пустились въ плаваніе по морю, такъ недавно еще страшному, благодаря рыскавшимъ по нему подводнымъ лодкамъ, и еще полному минь.

Раннимъ утромъ, когда всѣ еще спали, при полномъ спокойствіи внезапно услышали короткій отрывистый трескъ, грохотъ: что-то ударило въ пароходъ или пароходъ обо-что-то ударился. Движеніе сразу замедлилось. Первая мысль — это мина! «Мина, мина» закричали въ корридорѣ. Всеобщее отчаяніе. Забѣгали, завопили по всѣмъ угламъ. «Ясное дѣло, тонемъ». Стали одѣвать спасательные пояса. А пароходъ уже накренился такъ, что трудно было стоять. «На верхъ, всѣмъ на верхъ!» скомандовалъ кто-то. Словомъ, пережили все, что полагается пережить при «попаданіи» мины въ пароходъ. Это, однако, не была мина, мы напоролись на острый, непоказанный на картѣ, рифъ — и сѣли на него. Приказано было спуститься въ шлюпки, которыя и высадили насъ въ Копервикѣ.

...На слѣдующее утро вышли въ открытое море и сразу попали въ бурю — ими славится Сѣверное море зимою. Волны кругомъ парохода ходили огромныя, черныя, съ бѣлыми гребнями и подпалинами. Качка все время была неопишная. Лежа на койкѣ, можно было видѣть свои ноги то сверху внизъ, то снизу вверхъ. А когда качка дѣлалась килевою, вторая, параллельная койка была все время то надъ вами, то подъ вами.

Наконецъ, вечеромъ 12 декабря, вошли въ каналъ и поднялись къ Ньюкестлю (въ переводѣ на грузинскій — Ахалцихъ). Сплошныя фабрики, доки, дымовыя трубы — царство угля, желѣза и дѣловитости, одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ удивительнаго острова, охраняемаго пловучими батареями и цитаделями! Утромъ 13-го декабря высадились. Просма-

тривая мою визу, одинъ изъ чиновниковъ замѣтилъ: «Георгія, это, кажется, около Румыніи».

Понеслись по зеленой Англии, всюду встрѣчая военныхъ съ довольными, свѣжими лицами побѣдителей, и прибыли на вокзалъ Кингскроссъ.

Мнѣ не трудно было угадать въ толпѣ Давида Гамбашидзе,*) предупреденнаго телеграммою о моемъ приѣздѣ. Начинаясь лондонская глава «хожденія по дѣламъ Грузіи».

49.

Я не собираюсь передавать въ подробностяхъ переговоры или разговоры, которые велись въ Лондонѣ на тему о независимости Грузіи.

Сравнительно съ Берлиномъ, главная особенность политическаго положенія заключалась теперь въ томъ, что какъ для главныхъ державъ Европы, такъ и для С. А. С. Штатовъ получалъ огромное значеніе вопросъ о возстановленіи государственнаго порядка въ Россіи (на совѣтскій режимъ, продолжавшійся тогда уже свыше года, многіе смотрѣли какъ на аномалію, затянувшуюся сверхъ ожиданія). Это было время диктатуры адмирала Колчака въ Сибири, организациі добровольческихъ силъ на югѣ, время усиленной работы недавно еще авторитетныхъ представителей російской дипломатіи въ главныхъ центрахъ въ пользу вооруженнаго вмѣшательства, или же помощи деньгами и оружіемъ генераламъ и организациямъ, спасавшимъ Россію съ разныхъ концовъ.

Что теченіе это относилось вполне отрицательно**) къ идеѣ независимости бывшихъ окраинъ Россіи, что такое отрицательное отношеніе внушалось русскими дѣятелями правительствамъ Западныхъ державъ, — вчерашнимъ союзникамъ —

*) Братъ упомянутого выше д-ра Вахтанга Г., Давидъ Г-дзе былъ раньше секретаремъ Русско-британской торговой палаты въ Лондонѣ. Имъ было сдѣлано много для популяризаціи въ англійскихъ правительственныхыхъ и дѣловыхъ кругахъ идеи независимости Закавказскихъ республикъ. См. о немъ любопытную страницу у Lieut.-col. *Repington*. *The first World War*. 1914-1918. Vol. II. p. 182.

**) Въ этомъ я вижу одно изъ самыхъ глубокихъ и роковыхъ недоразумѣній русской противосовѣтской политики.

что новоявленные республики подвергались огульнымъ и систематическимъ нападкамъ, осмѣянію и сарказмамъ—извѣстно всякому. Атмосфера эта, конечно, затрудняла работу и въ вопросѣ о признаніи независимости Грузіи.

Однако, и эта работа не была столь безнадежной, какъ многимъ казалось. Очень скоро выяснилось — и мы были вовсе не послѣдними, открывшими это — что обѣ тенденціи могутъ быть согласованы; что, въ частности, Великобританія превосходно можетъ, разъ это ей угодно, поддерживать всячески стремленія русскихъ возстановить Россію, а, одновременно, отнестись съ должнымъ вниманіемъ и къ вновь образовавшимся республикамъ. Я буду, кажется, правъ, если скажу, что въ англійской политикѣ преобладало въ этотъ моментъ стремленіе помочь возстановленію Россіи; но что тамъ, имѣлась почва и для симпатій по отношенію къ новымъ республикамъ какъ по принципиальнымъ основаніямъ (вѣра либераловъ, трудовиковъ и др. въ право сомоопредѣленія, въ начала демократіи и пр.) такъ, отчасти, и вслѣдствіе спеціальной заинтересованности. Для балтійскихъ республикъ получалъ значеніе вопросъ о морскихъ интересахъ державъ въ Балтійскомъ морѣ; Грузія могла нащупать старое, отчасти заброшенное русло былыхъ такъ наз. Биконфильдовыхъ идей о необходимости ставить барьеръ русскому проникновенію въ Передней Азіи и т. д.

Словомъ, наряду съ основнымъ теченіемъ политики, благопріятнымъ возстановленію единой Россіи, существовали мотивы и интересы хоть и второго плана, однако достаточно отчетливые, чтобы служить основой для защиты независимости окраинныхъ государствъ.

Попытка преодолѣнія этой двойственности заключалась въ отвлеченной идеѣ федераціи, т. е. возстановленія русскаго единства путемъ федеративнаго объединенія отдѣльно существовавшихъ частей бывшей Имперіи. Идея эта, въ видѣ намековъ и внушеній, играла съ самого начала свою роль въ сношеніяхъ окраинныхъ делегатовъ съ Англійей (позже ее стали усваивать, стараясь попутно обезвредить, и въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ); однако, двойственность, о которой сказано выше, проникала всю политику Англійи въ теченіе всего 1919 года.

Впрочемъ, въ этотъ моментъ «единая Россія» была всего лишь программой, независимая-же Грузія (чтобы вернуться

къ ней) — дѣйствительностью, фактомъ, съ которымъ приходилось считаться... хотя-бы при установленіи желѣзнодорожной связи между Батумомъ и Баку (въ силу Мудросскаго перемирія). Все это придавало вопросу опредѣленное жизненное значеніе, и мы имѣли возможность обсудить его восторонне съ представителями великобританскаго правительства. Разумѣется, мы говорили и за Азербайджанъ, не имѣвшій еще въ Лондонѣ своего представителя, а темы нашихъ бесѣдъ выходили далеко за предѣлы Закавказья.

Итакъ, «возстановленіе единой Россіи» было однимъ изъ главныхъ наводженій этихъ дней; намъ-же было естественно, привѣтствуя это объединеніе, выражать въ то же время пожеланіе, чтобы Грузія и вообще Закавказье были изъ этого плана исключены.

Мотивировка такого пожеланія, письменная и устная, не представляла особыхъ затрудненій и, такимъ образомъ, англійское правительство могло познакомиться обстоятельно съ политическими стремленіями Грузіи и ея сосѣдей, съ ихъ конечными цѣлями, — какъ разъ въ то время, когда начали размѣщаться въ различныхъ пунктахъ Закавказья британскіе военные отряды, занимавшіе ихъ согласно Мудросской конвенціи 30-го октября.

Начало нашихъ дипломатическихъ сношеній въ Лондонѣ совпало, такимъ образомъ, съ началомъ практическаго ознакомленія англичанъ съ новыми закавказскими республиками, на мѣстѣ, въ концѣ 1918 года.

Намъ предоставлена была возможность сноситься телеграфно съ Тифлисомъ; грузинское правительство оповѣщено было своевременно о пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, и скоро вслѣдъ за тѣмъ мы могли уже извѣстить его о «благопріятномъ пріемѣ, о надеждѣ получить признаніе de facto, а позже — и формальное признаніе», а также о томъ, что «распространяемые слухи о возстановленіи единой, нераздѣльной Россіи не имѣютъ отношенія къ Грузіи, независимость которой имѣетъ твердые шансы».

Наконецъ, 31-го декабря 1918 года мы (т. е. я и Д. Гамбашидзе) получили изъ Foreign Office'а ноту, за подписью сэра Луиса Маллетъ (товарища министра иностранныхъ дѣлъ), въ которой сообщалось, что правительство Е. В. съ симпатіей отнеслось къ провозглашенію независимой грузинской респуб-

лики и готово отстаивать ее признаніе на мирной конференціи*.

Такъ совершился — спустя какихъ нибудь десять недѣль послѣ окончательнаго принятія нами въ Берлинѣ проекта грузино-германскаго трактата — переводъ грузинской политики на новыя рельсы, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Моя обязанность и роль «стрѣлочника» была выполнена: теперь отъ грузинскаго правительства въ Тифлисъ зависѣла «эксплуатація успѣха».

ГЛАВА XIX.

НОВАЯ ВАРИАЦІЯ НА ПРЕЖНІЮ ТЕМУ.

50.

Наши телеграммы о «благожелательномъ приѣмѣ» въ Лондонѣ получены были въ Тифлисъ въ очень критическій для грузинскаго правительства моментъ и пришлось весьма кстати.

Словами «критическій моментъ» я вовсе не желаю сказать, что положеніе правительства Н. Жорданія внутри страны было сколько нибудь шаткимъ — оно было, напротивъ, совершенно прочнымъ — а имѣю лишь въ виду осложненія вызванныя почти одновременно, армяно-грузинскимъ пограничнымъ столкновеніемъ декабря 1918 г. т. е. наступленіемъ армянскихъ войскъ въ Борчалинскомъ уѣздѣ 6. Тифлисской губерніи — и прибытіемъ англійскихъ отрядовъ и союзныхъ миссій въ предѣлы Закавказья.

Распространялись разными недоброжелателями слухи о намѣреніяхъ побѣдоносныхъ союзниковъ *упразднить* возникшія тамъ республики, слухи фантастическіе, но тревожные; англійскіе военачальники не могли такъ легко и быстро приспособить свою политическую терминологию ни къ сложившимся въ Закавказь въ послѣднее время порядкамъ (совсѣмъ не то, что было при Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ!), ни къ щепетильности молодыхъ правительствъ. Были, конечно, вліянія, стремившіяся, особенно, повредить грузинскому правительству во мнѣніи англичанъ неумными ссылками на зазорную будто-бы дружбу ихъ съ германцами и чуть не съ турками. Не стану углубляться въ этотъ предметъ. Въ общемъ, британскіе генералы скоро освоились съ фактомъ существованія независимаго грузинскаго правительства тамъ, гдѣ формально полагалось быть лишь Закавказской провинціи Россійскаго

*) Существо этой ноты было передано по телеграфу грузинскому правительству, и вызвало отвѣтную благодарственную телеграмму грузинскаго мин. иностран. дѣлъ Гегечкори (январь 1919 г.).

государства; а грузинское правительство не сочло нарушением грузинской независимости прибытие и пребывание в Грузии английского отряда, ибо происходило это, согласно общему плану умиротворения Европы... на «вильсоновских» началах и по желанію всей совокупности державъ — умиротворительницъ. Кое-какъ, на этихъ основаніяхъ, намѣтился *modus vivendi*.

Съ помощью английской и французской миссій было прекращено грузино-армянское столкновение — какъ разъ въ моментъ, когда армянскія части, вторгшіяся далеко въ глубь Борчалинскаго уѣзда, перешли въ отступление. Заключительная часть этого столкновения (длвшася, къ счастью, не болѣе 10 дней) стала намъ извѣстной въ Лондонѣ изъ слѣдующаго сообщенія газ. Times (отъ 10-го января 1919 г.): Багдадъ. 1 января. «Начиная съ 19 декабря произошло три сраженія между армянскими и грузинскими войсками: на границѣ Ахалкалакскаго уѣзда, у Екатериненфельда (въ Борчалинскомъ уѣздѣ) и у станціи Садахло (жел. дор. Тифлисъ-Александрополь). Всѣ сраженія окончились полнымъ пораженіемъ армянъ, причемъ, грузины захватили множество плѣнныхъ и орудія.— По послѣднимъ извѣстіямъ грузины наступаютъ и заставили армянъ отойти къ Аллаверды. При этомъ захвачены броневики и плѣнные, въ ихъ числѣ русскіе офицеры.»

О занятіи же уѣздовъ Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго грузинскими частями (послѣ ухода турецкихъ вооруженныхъ силъ и очищеніи этихъ провинцій отъ оставшихся «бандъ») намъ было и раньше извѣстно изъ сообщенія британскаго военнаго министерства.

Военныя дѣйствія, по обоюдному соглашенію, были прекращены съ 31 декабря 1918 г.*) Армяне вернулись къ своему исходному положенію — которое они занимали фактически на южной окраинѣ Борчалинскаго уѣзда, по уходѣ оттуда турокъ, (т. е. съ осени 1918 г.) и откуда они повели свое наступленіе. Между этой территоріей и сѣверной частью уѣзда, оставшейся подъ грузинскимъ управленіемъ, установлена была нейтральная зона. Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ сохранялась грузинская администрація.

Этотъ компромиссъ былъ принятъ по соглашенію грузинскаго правительства съ союзными миссіями, принятому за-

*) Дѣйствія эти едва-ли можно называть «войною». Во всякомъ случаѣ, большихъ жертвъ кровью она не потребовала. Тѣмъ лучше для «сторонъ»!

тѣмъ и армянскимъ правительствомъ, несмотря на представленныя имъ возраженія.

Въ общемъ, моментъ былъ довольно тяжелый; союзныя миссії потребовали было даже очищенія грузинами Ахалцихскаго уѣзда, что категорически было отвергнуто грузинскимъ правительствомъ; и, несмотря на благоприятный для Грузии исходъ столкновения съ армянами, чувствовалось появленіе новаго могущественнаго фактора, намѣренія котораго далеко не были ясны, и въ отношеніи Грузии явно предубѣжденнаго. «Мы отрѣзаны, говорилъ Гегечкори въ грузинскомъ парламентѣ 3-го января 1918 г., дѣлая сообщеніе о положеніи, созданномъ нападеніемъ армянъ и приходомъ союзниковъ: отъ Европы, мы лишены средствъ довести до Европы и ея демократіи о всѣхъ тѣхъ несправедливостяхъ, которыя здѣсь совершаются и которыя могутъ еще совершиться, но до насъ уже доходятъ отдаленные голоса, предвѣщающіе намъ скорый разсвѣтъ». Такимъ «отдаленнымъ голосомъ» была въ даномъ случаѣ полученная грузинскимъ правительствомъ наканунѣ (т. е. 2 января) телеграмма наша отъ конца декабря, о которой сказано выше (см. стр. 164). Сообщеніе это вызвало «горячіе апплодисменты» парламента: министръ иностранныхъ дѣлъ Грузии имѣлъ большой успѣхъ въ этотъ день.

Было, однако, очень прискорбно, что не осуществилась сначала-же, т. е. въ концѣ 1918 г. созванная грузинскимъ правительствомъ конференція кавказскихъ республикъ по общимъ ихъ дѣламъ, (включая и вопросъ о границахъ). Предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано еще въ концѣ октября 1918 года, но въ формѣ, которая вызвала неудовольствіе со стороны армянъ. И дѣйствительно тонъ «пригласительной» ноты, подписанной Н. Рамишвили (исполнявшимъ, до назначенія Гегечкори, обязанности министра иностранныхъ дѣлъ) нѣсколько напоминалъ... циркуляръ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Однако, само-то намѣреніе было прекрасное, и армянамъ, конечно, надлежало договориться съ грузинскимъ правительствомъ о конференціи, а не ... переходить въ наступленіе.

Досадно было не только то, что не состоялась проектированная тогда конференція, но въ еще большей степени то откладываніе дѣла въ долгій ящикъ, которое естественно вытекало изъ послѣдняго пункта компромисса, принятаго 25 декабря 1918 года Н. Жорданія, великобританскимъ генералъ-майоромъ Райкрофтъ и полковникомъ французской службы Шардиньи, а именно: «представители обоихъ государствъ,

Грузіи и Арменіи, будутъ въ скоромъ времени отправлены въ Европу, *гдѣ весь вопросъ относительно границъ будетъ рѣшенъ Великими Державами*. Этимъ путемъ очень легкомысленно создавалась и очень легковѣрно воспринималась иллюзія, будто-бы великія державы или — какъ выражался Гегечкори — «демократія Европы» стануть торопиться съ разрѣшеніемъ вопроса... о Борчалинскомъ или Ахалкалакскомъ уѣздѣ. До вопроса этого никому не было ни малѣйшаго дѣла: онъ, «принимался къ свѣдѣнію» съ «подшитіемъ къ дѣлу» въ тѣхъ бюро, кого онъ могъ касаться. Вообще-же, вопросъ этотъ не имѣлъ ни малѣйшихъ шансовъ заинтересовать кого-бы то ни было въ Европѣ въ 1919 году, и отказавшись отъ усилій, труда и напряженія, необходимыхъ для рѣшенія его и другихъ подобныхъ вопросовъ прямыми между собою переговорами, закавказскія республики беззаботно и непредусмотрительно подготавливали себѣ новыя затрудненія и бѣды въ будущемъ.*)

51.

Одновременно съ полученіемъ нами въ Лондонѣ первыхъ извѣстій о всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ, сдѣлалась извѣстной программа независимой Арменіи, которую собирался защищать передъ мирной конференціей, отъ лица цѣлокупной Арменіи, Богось Нубаръ-паша, глава такъ называемой національной делегации, назначенной армянскимъ католикосомъ и выступившей въ Европѣ еще въ эпоху балканскихъ конференцій въ Лондонѣ 1912-1913 г. г. Программа эта была подробно изложена на страницахъ Times'a (31 декабря 1918 г.), съ приложеніемъ карты.

Предѣлы такъ наз. русской Арменіи показаны были на картѣ явно неправильно (съ преуменьшеніемъ) и, несомнѣнно было, что почтенный авторъ программы не въ курсѣ того, что происходило въ Закавказьи. Зато въ предѣлахъ Турціи границы будущей Арменіи показывались съ большимъ размахомъ:

*) Документы, касающіеся грузино-армянскаго конфликта конца 1918 года и армянскаго вторженія, напечатаны въ послѣдней части сборника «Документы и матеріалы» и т. д. Въ частности, переписка объ основаніяхъ компромисса въ N N 251-255. Подробныя данныя о переговорахъ между Грузіей и Арменіей въ теченіе всего этого періода и объ усиліяхъ грузинскаго представителя въ Эривани С. Г. Мдивани предотвратить столкновение, т. е. обращеніе армянъ къ силѣ, см. въ другомъ сборникѣ изданномъ грузинск. правительствомъ въ 1919 г.: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній. 1918 годъ.*

Сивась, Мерсина, Адана, Александретта, Дيارбекирь, не говоря уже о Битлисѣ и Ванѣ, включались въ Арменію. На Черномъ морѣ она получала большую часть побережья между Самсуномъ и Батумомъ и т. д. Разумѣется, то были максимальныя требованія.*) Приходилось все же считаться и съ официальнымъ положеніемъ автора всей схемы, и съ заявленіемъ его о надеждѣ Арменіи получить поддержку (временную) Англии, Франціи или Америки («мандатъ») и даже съ завѣреніемъ его, что это новая Арменія *станетъ реальностью черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.*

Такая Арменія переставала быть кавказскою Арменією. Вопросъ кавказскаго объединенія приходилось въ этомъ случаѣ ставить совершенно по-новому. Возможность появленія по сосѣдству съ нами державы-носительницы армянскаго мандата давала, въ свою очередь, пишу для политическихъ «спекуляцій». Наконецъ, неизбежное, въ случаѣ осуществленія армянской программы, возвращеніе Азербайджана въ орбиту кавказскую послѣ турецкихъ увлеченій 1918 года, давала, вмѣстѣ съ остальными открывавшимися «возможностями», достаточно матеріала для разныхъ догадокъ и размышленій.

Не знаю, вѣрили-ли авторы этого проекта новой Арменіи въ его осуществимость; полагаю, что они — какъ впрочемъ и многіе другіе, далеко переоцѣнивали силу, могущество и ресурсы державъ — устроительницъ мира. Было-бы печально, сказалъ я себѣ, если бы наши стремленія упрочить независимость кавказскихъ республикъ оказались — или показались людямъ свѣдущимъ и осторожнымъ — такою-же мечтой, такой-же химерой — какой представлялась многимъ идея независимой Арменіи, какъ она была изложена въ деклараціи Нубара.

Но повторяю: съ этимъ планомъ трудно было согласовать привычное представленіе объ Арменіи, какъ странѣ обращенной преимущественно къ Закавказью. Въ противоположность гаданіямъ о Киликии и «шести вилайетахъ», Эриванская или «араратская» Арменія была *живою дѣйствительностью*: возникло армянское государство и строилось, трудами самихъ армянъ. Можно было и слѣдовало ожидать теперь серьезнаго приращенія территоріи этой Арменіи со стороны Турціи: но, по убѣжденію моему, не въ такихъ размѣрахъ чтобы колебался планъ союзаго единенія Грузіи, Арменіи и Азербайджана,

*) Если, конечно, не считать тріединой (русско-турецко-персидской) Арменіи американскихъ резолюцій. См. выше стр. 157

какъ единственная формула разрѣшенія кавказскаго вопроса, согласуемая съ болѣе широкими перспективами политики и исторіи.

Увлекательный миражъ Великой Арменіи съ выходомъ въ Средиземное море, поощряемый, казалось, великими державами, получившій благословленіе всемогущаго — такъ думалось — президента Вильсона не могъ не отвлечь живыхъ стремленій армянскаго народа въ сторону отъ кавказской ориентации, и, во всякомъ случаѣ, ослабилъ — въ теченіе всего 1919 и большей части 1920 г. г. — стимулы и мотивы такой ориентации. Армянамъ показалось — хотя съ самаго начала это было неправильно и неосновательно — что «Европа и Америка», «конференція» и, вообще, всѣ рѣшители судебъ отнесутся къ нимъ совершенно по-особенному, и что ихъ вопросъ не можетъ быть смѣшиваемъ напр. съ грузинскимъ и т. п. Словомъ, по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, вполне объясняющимъ армянскую политику, она естественно направилась по пути, отходившему прочь отъ торной дороги, единственно сулившей успѣхъ: союзнаго объединенія кавказскихъ республикъ, необходимо завершающаго процессъ государственной ихъ консолидации, начатый въ концѣ мая 1918 года.

Конечно, такое объединеніе могло осуществиться лишь въ опредѣленной международной обстановкѣ.

52.

Основная мысль по этому вопросу изложена была мною еще весной 1918 года, въ статьѣ, посвященной Брестъ-Литовскому договору, на которую я уже неоднократно ссылаюсь. «И на кавказской перешеекѣ — говорилось тамъ — можетъ перекинуться та идея окаймленія новой русской границы новыми-же государственными образованиями, которая составляетъ какъ бы систему брестскаго договора».

«Буферное государство въ Закавказьи, прибавлялъ я, — скорѣе всего, сложнаго построения, разрѣшая задачу устройства этого края, представляла-бы свой смыслъ и съ точки зрѣнія прочности германскаго вліянія въ Анатолиі, и для «брестской» системы обезпеченія подступовъ къ Индіи и охраны пути Каиръ-Калькутта».

Уже тогда давалась, такимъ образомъ, формула о двухъ

концахъ, рассчитанная на тотъ или другой исходъ міровой войны.

Независимая Грузія и кавказскій союзъ — таковъ былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ грузинской политики въ Берлинѣ лѣтомъ 1918 г.; теперь предстояло развить и примѣнить ту же идею, но *mutatis mutandis* — примѣняясь къ условіямъ, въ которыхъ, послѣ пораженія Германіи, парижской конференціи предстояло переустроить Европу и части Азіи.

Кавказъ какъ естественный барьеръ, раздѣляющій сферы двухъ империализмовъ — російскаго и британскаго, — эта тема не должна была быть встрѣчена равнодушно въ Лондонѣ въ моментъ когда затѣвались и проектировались самые разнообразныя переустройства въ Европѣ, возводились новые фасады, и когда груды пригодныхъ матеріаловъ лежали готовыми, въ ожиданіи искусныхъ зодчихъ — такъ и не явившихся.

Союзъ кавказскихъ народовъ, какъ изолирующая прослойка между Россіей и странами передней Азіи (Турція и Персія), уничтожающая одну изъ главныхъ плоскостей международныхъ трений и устраняющая, тѣмъ самымъ, шансы военныхъ столкновеній между державами — вотъ другой «аспектъ» той же мысли, но согласованный не съ тревогами и нѣсколько устарѣлыми предрасудками людей, воспитанныхъ въ воспоминаніяхъ о соперничествѣ Россіи и Англии въ Передней или Средней Азіи, — а съ замыслами и чаяніями тѣхъ, кто собирался практически работать надъ осуществленіемъ *Лиги Націй*.

Наконецъ, организація Закавказья какъ единой области для международнаго свободнаго транзита во всѣхъ направленіяхъ и обезпеченіе этимъ путемъ свободы сношеній, открытыхъ для всѣхъ безъ различія, — съ Персіей, закаспійскими странами, Арменіей, было главной темой *экономическаго* трактованія все того же предмета.

Таковъ былъ «репертуаръ» политическихъ положеній, развернутый въ Лондонѣ въ концѣ 1918 года представителями грузинской республики.

Многое требовалось для того, чтобы такая программа

осуществилась: согласованная работа новых кавказских республик — это прежде всего; дѣятельная поддержка великихъ державъ; наконецъ, благопріятная общая обстановка.

Благожелательныя завѣренія Англіи казались въ этомъ отношеніи уже опредѣленнымъ успѣхомъ. Армяно-грузинскій конфликтъ былъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Все остальное было въ туманѣ.

XX.

ВЪ ЛОНДОНѢ НАКАНУНѢ ПАРИЖСКОЙ
КОНФЕРЕНЦІИ.

ГЛАВА XX.

53.

Огромное страшилище «большевизма» господствовало въ центрѣ Россіи, въ ея жизненномъ узлѣ. Этотъ призракъ не давалъ покою. Политика Западныхъ державъ — по крайней мѣрѣ официальная — только что получила форму: то была политика «проволочнаго загражденія» или «экономическаго кольца» (блокады).

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ въ рѣчи, произнесенной въ Палатѣ Депутатовъ 29 декабря 1918 г., коснулся, наряду съ другими вопросами, также пребыванія союзныхъ войскъ въ Батумѣ, Одессѣ, Румыніи. Онъ огласилъ при этомъ инструкцію, данную Клемансо французскимъ генераламъ, по смыслу которой задача союзниковъ заключалась въ защитѣ Украины, Кавказа (разумѣлся Сѣверный Кавказъ) и Восточной Россіи отъ нашествія большевиковъ и въ созданіи, *оборонительнаго* фронта. *Наступленіе* противъ большевиковъ предоставлялось самимъ русскимъ: но союзники обеспечивали ихъ матеріальными средствами для такой операціи. Пишонъ особо остановился на вопросѣ о созданіи боеспособной украинской арміи.

Такъ возвѣщалась политика 1919 года, политика неполнаго и непрямого вмѣшательства въ дѣла Россіи, и такъ намѣчалась «тактическая обстановка», съ которой и намъ приходилось сообразоваться.

Однако Грузія твердо держалась въ 1918 году нейтралитета по отношенію къ гражданской вонѣ, раздиравшей уже нѣкоторыя части Россіи. Не было ни принципиальныхъ основаній, ни практическихъ побужденій къ отказу отъ этой политики. Поэтому, никогда и рѣчи не было-да и не могло быть — объ участіи Грузіи, какъ звена, въ томъ кольцѣ, которое должно было сжать совѣтскую Россію.

Закавказскія республики, заслоненныя кавказскимъ хребтомъ, стояли пока, можно сказать въ сторонѣ отъ военно-политической системы, которая складывалась или сколачивалась на окружій совѣтской Россіи. Если что вызывало безпокойство въ Тифлисѣ или Баку, такъ это скорѣе накопленіе на Сѣверномъ Кавказѣ противосовѣтскихъ силъ Добровольческой арміи.

Вотъ почему, главное вниманіе и можно было обращать на основные вопросы: о признаніи независимости Грузіи, о кавказскомъ объединеніи и объ исключеніи новыхъ республикъ изъ схемы возстановленія единой Россіи, составлявшаго конечную цѣль русскихъ «оставшихся вѣрными своимъ союзникамъ», а также и самихъ этихъ союзниковъ. Приходилось доказывать и пріучать умы къ воспріятію той мысли, что возстановленіе Россіи вовсе не требуетъ включенія въ нее Грузіи и, вообще, Закавказья. Важно было внушать эту мысль именно тѣмъ, съ чьей помощью собственно и дѣлались попытки возстановленія Россіи. А каковы были находившіеся въ нашемъ распоряженіи доводы, объ этомъ уже сказано выше.

Вскорѣ послѣ разъясненій, данныхъ Пишономъ французскому парламенту, въ англійской печати оглашена была *англійская* версія тѣхъ причинъ, по которымъ британскія войска посланы были въ Закавказье. Вотъ эти причины: необходимость принудить турокъ къ очищенію страны и прекратить столкновенія между грузинами, армянами и другими національностями, начавшіяся съ уходомъ турокъ; и, во вторыхъ, необходимость обезпечить сообщенія съ англійскими войсками въ Закаспійской области черезъ Баку и Красноводскъ (раньше они могли снабжаться только изъ Багдада черезъ Хамаданъ — Энзели)*).

*) Официальнымъ основаніемъ для послышки англійскаго отряда въ Закаспійскую область (еще лѣтомъ 1918 года) указывалось желаніе помѣшать тому, чтобы туркестанскій хлопокъ попалъ въ руки германцевъ. См. Times. 10 января 1919.

Всѣ эти объясненія и «версіи» обращались къ такъ наз. общественному мнѣнію т. е. приноровлялись къ нему. По существу-же важно было одно: въ началѣ 1919 года сообщенія между Чернымъ моремъ и странами Средней и Передней Азій очутились подъ прямымъ контролемъ Англии.

Правительствамъ закавказскихъ народовъ давалась теперь возможность продумать исподволь и до конца вопросъ о томъ, надлежитъ-ли имъ освободиться отъ этого контроля или, наоборотъ стараться извлечь изъ него пользу для своихъ политическихъ цѣлей.

54.

Все еще было рыхло, неопредѣленно, расплывчато въ области политики великихъ державъ на Ближнемъ Востокѣ. Недоумѣніе по поводу того, что будетъ или какъ быть съ Россіей, неизбѣжно влекло за собою недоумѣнія по всѣмъ смежнымъ вопросамъ. Какъ раздѣлить наслѣдіе Оттоманской Имперіи — и на этотъ счетъ державы были далеки отъ ясныхъ и связанныхъ рѣшеній. Для насъ основное значеніе имѣлъ, конечно, вопросъ армянскій. Кто, въ концѣ концовъ, займется Арменіей? Вѣдь если безбрежныя «аспираціи» Нубаръ-паши и «пославшихъ его» вредили дѣлу независимой Арменіи, въ смыслѣ народнаго армянскаго государства (а основаніе такому и было заложено въ Эривани въ 1918 г.), то вся эта схема великой Арменіи не такъ уже была наивна и безвыгодна, если разсматривать ее такъ объектъ экономическаго использованія, подъ флагомъ мандата или другимъ.

Франція, несомнѣнно, интересовалась въ это время возможнымъ протекторатомъ надъ Арменіей. Въ этой связи говорилось и о Закавказьи. Американская кандидатура была очень серьезной. Со всѣми этими «возможностями» приходилось считаться; а, въ то же время, сознавать, что по всѣмъ главнымъ вопросамъ, исходомъ которыхъ какъ-бы предопредѣлится судьба кавказскихъ народовъ, рѣшенія не скоро будутъ достигнуты; во-первыхъ вслѣдствіи запутанности самихъ вопросовъ, (Россія! Турція!) а затѣмъ, въ виду затрудненій въ главномъ дѣлѣ, предпринятомъ державами: замиреніи Европы.

Въ этомъ отношеніи картина въ началѣ января 1919 г. была непривлекательной. Истекло уже два мѣсяца со времени заключенія перемирія, а спокойствія и увѣренности было мало; все казалось такимъ зловѣщимъ, угрожающимъ. Большеви-

ки наступали въ Балтикѣ, на Литвѣ; положеніе русскаго фронта на Уралѣ и на югѣ казалось очень неопредѣленнымъ. Польша была въ полномъ разстройствѣ, въ бывшей Австро-Венгрии границы проводили какъ придется, de facto; въ Германіи развивалось сильнѣйшее броженіе. Все это не только не слушало директивъ союзниковъ — побѣдителей, но, наоборотъ, какъ бы торопилось предупредить ихъ рѣшенія. Рѣшеній-же этихъ еще не было и не видно было, когда они созрѣютъ.

А между тѣмъ, въ каждомъ углу, въ каждой странѣ, въбуряемой войной, были свои «вопросы», свои болячки, казавшіяся особо острыми, особо неотложными; и всякому мнилось, что новая могущественная инстанція, конференція *величайшихъ державъ* мира (выше и сильнѣе которой ничего нѣтъ!) всѣ эти вопросы разрѣшитъ и, прежде всего, именно... каждый данный вопросъ. Лишь бы только не рѣшили безъ насъ... противъ насъ!

Такое чувство должны были испытывать особенно тѣ правительства, народы или группы, которыя по географической удаленности своей и въ убѣжденіи, что «тамъ, въ Парижѣ, уже рѣшаютъ... уже рѣшили», особенно боялись, чтобы не «рѣшили безъ насъ».

Находившіяся въ Закавказьи союзныя военныя миссіи, очевидно не могли знать (въ декабрѣ 1918 г.) что конференція займется, *когда-нибудь*, напр. вопросомъ о проведеніи... границы между Грузіей и Арменіей въ Борчалинскомъ уѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, и миссіи эти торопились, какъ мы видѣли, «отправить» — именно съ этой цѣлью — делегации закавказскихъ республикъ въ Парижѣ, а тамъ, — «конференція все рѣшитъ».

Когда я съ такой поспѣшностью и, преодолевая всякія затрудненія, устремился изъ Константинополя въ Лондонъ, я, главнымъ образомъ, дѣлалъ это въ предвидѣніи, что грузинскому правительству понадобится очень много времени для посылки въ Европу регулярной делегации, и что послѣдняя не окажется особенно быстроходной. Долго, думалось мнѣ, будутъ обсуждать, кому ѣхать; быть можетъ, созовутъ совѣщаніе «свѣдущихъ людей», чтобы выяснить, какимъ путемъ ѣхать; чего добраго, кто нибудь предложитъ ѣхать... на Пекичъ

и т. д. Мало-ли, какія могутъ быть проволочки! Вотъ мнѣ и пришлось, безъ уговора съ грузинскимъ правительствомъ, въ порядкѣ, можно сказать «фактическомъ», проѣхать въ Англию и начать тамъ работу вмѣстѣ съ Д. Гамбашидзе. Съ начала января присоединился къ намъ еще К. Г—дзе, въ ноябрѣ прибывшій изъ Тифлиса въ Берлинъ и считавшійся до-того товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Чхенкели старался изъ Швейцаріи пробить «проволочное загражденіе» французскихъ предубѣждений, дабы проникнуть въ Парижъ, — но безуспѣшно. Между тѣмъ и онъ былъ включенъ въ составъ грузинской делегации, о выѣздѣ которой (въ декабрѣ 1918 г.) изъ Тифлиса мы освѣдомились въ Лондонѣ къ срединѣ января. Делегация эта составлена была такъ, чтобы быть въ состояніи «авторитетно рѣшать» всѣ вопросы отъ имени Грузіи; въ ней представлены были всѣ партіи, при ней состояли совѣтники, специалисты и т. д. Во главѣ ея находились Н. Чхеидзе и И. Церетели. Дальше Константинополя эта громоздкая организация не могла передвинуться, и большинство ея членовъ или чиновъ вынуждены было вернуться въ Грузію.

ГЛАВА XXI.

ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ КОНФЕРЕНЦІИ.

55.

16 января мы прибыли въ Парижъ: бывшій еще на военномъ положеніи. Великій городъ какъ бы протиралъ глаза послѣ столь долгаго и грознаго видѣнія войны. Конецъ бомбардировкамъ, налетамъ, смертельной тревогъ. Побѣда пришла такъ рано и такую полную, какъ никто того не ожидалъ.

Рационированъ сахаръ, хлѣбъ — но послѣдняго, кажется, вдоволь. Рано гаснетъ электричество. Бульвары кишатъ американцами и англичанами. Французовъ еще мало вернулось изъ арміи. Много траурныхъ нарядовъ. Неслышное стenanіе въ воздухѣ. Трофеи тянутся отъ площади Согласія до триумфальной арки — вотъ видимые знаки войны.

Возстановленіе единой Россіи, федерация — объ этомъ мы столько слышали въ Лондонѣ отъ англичанъ. Опытные представители старой и молодой (1917 г.) русской дипломатіи, съ огромными связями и средствами, работали въ Парижѣ и Лондонѣ, согласуя усилія генераловъ, сражавшихся тамъ, въ Россіи — съ общимъ планомъ политики союзниковъ. Сазоновъ, въ качествѣ представителя Кубанскаго и Сибирскаго правительствъ, былъ въ Парижѣ. Всѣ эти дѣятели боролись за недопущеніе на конференцію большевиковъ, въ чемъ они встрѣтили поддержку французскаго правительства, между тѣмъ какъ Англія стояла за приглашеніе всѣхъ образовавшихся въ Россіи правительствъ, начиная съ совѣтскаго. Повидимому, составлялся даже списокъ или инвентарь этихъ правительствъ.

Въ первый-же день, 16 января, мы отправились въ секретариатъ конференціи. Начальникъ кабинета г. Дютаста *) — г. Арнавонъ выслушалъ насъ съ видомъ челоуѣка соболѣзнующаго. «Вопросъ о Россіи и частяхъ ея, объяснилъ онъ намъ у подножія гобеленъ, изображающихъ бракосочетаніе Генриха IV и Маріи Медичи, выдѣленъ. Вамъ слѣдуетъ поговорить въ политическомъ отдѣлѣ (м. и. д.) съ г. Л., или еще лучше, съ г. К. который специализовался въ этихъ вопросахъ».

На слѣдующій же день (т. е. 17 января) мы были у г. К. — въ такихъ случаяхъ очень интересно начинать со «специалистовъ». И хотя въ Лондонѣ я имѣлъ случай бесѣдовать очень подробно съ французскимъ посломъ г. Полемъ Камбонъ, принявшимъ насъ съ отменною любезностью, но, конечно, только теперь мы получали возможность составить себѣ представленіе о дѣйствительномъ къ намъ отношеніи французскаго правительства. Отношеніе это (въ 1919-21 г. г.) можетъ быть выражено «кривою», начальный пунктъ которой мнѣ и хочется установить, и я позволю себѣ изложить этотъ первый разговоръ съ подробностью — тѣмъ болѣе, что позже мнѣ уже почти и не приходилось бесѣдовать съ представителями французскаго правительства**). Вотъ существо этого разговора:

А. Изъ Грузіи отправлена сюда делегация. Мы имѣемъ свѣдѣнія о прибытіи ея въ Константинополь. Англійскія власти предоставили имъ свободный проѣздъ, и они ожидали лишь разрѣшенія французскаго правительства. Дано-ли имъ разрѣшеніе прибыть въ Парижъ?

К. Намъ ничего объ этой делегации неизвѣстно. Такое прошеніе до насъ не доходило. Впрочемъ мы должны знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло — есть грузины, скомпрометировавшие себя съ Германіей... Стало-быть, эта делегация привезена англичанами (sic)?

А. Вѣроятно она прибыла на англійскомъ суднѣ.

К. Какія политическія партіи представляетъ она?

А. Она не представляетъ партій; она представляетъ Грузію — грузинское правительство — грузинскую республику.

Мы сообщили, что знали, о составѣ делегации, и получили обѣщаніе, что Чхеидзе и Церетели будутъ пропущены («пусть только подадутъ прошеніе»). Но затѣмъ, К. обѣщаль такі

*) Генеральный секретарь конференціи.

***) Вслѣдствіе пріѣзда болѣе меня уполномоченныхъ делегатовъ.

протелеграфировать въ Константинополь о пропускѣ Чхеидзе и Церетели.

К. Грузія заключила договоръ съ нашими врагами: Турціей и Германіей. Грузинскій вопросъ далеко не такъ простъ и ясенъ, какъ, напримѣръ, вопросъ Эстоніи. Намъ неизвѣстны ни дѣйствительныя границы Грузіи, ни отношенія ея къ сосѣдямъ или къ Россіи; не знаемъ и того, что грузины думаютъ о своемъ будущемъ или, напр., каково ихъ мнѣніе о русскомъ государственномъ долгѣ... Повидимому у Грузіи серьезныя разногласія съ армянами и татарами...

Не трудно было дать тутъ-же объясненія по всѣмъ этимъ пунктамъ: мы совершенно не собирались садиться на скамью подсудимыхъ.

... К. (смягчаясь и въ легкомъ замѣшательствѣ). Въ концѣ концовъ мы вовсе не желаемъ сказать *нѣтъ*. Намъ необходимо лишь составить себѣ болѣе ясное представленіе о вопросѣ, чтобы дать затѣмъ инструкцію нашимъ делегатамъ на конференціи.

Условлено было, что мы представимъ министерству иностранныхъ дѣлъ теперь же а) историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Турціей и Германіей, б) изложеніе вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, с) изясненіе позиціи Грузіи по отношенію къ Россіи (южной) и Кубанскому правительству.

Всѣ эти матеріи были изложены въ рядѣ документовъ, которыя вскорѣ послѣ этого были представлены французскому правительству, а также делегациямъ всѣхъ великихъ державъ, участницъ конференціи: дѣло «Грузія» было заведено въ ихъ канцеляріяхъ.

56.

Но болѣе злободневный вопросъ, насъ касавшійся и поставленный какъ разъ въ эту начальную эпоху Парижской Конференціи гласилъ конечно: *Принкипо*.

22 января 1919 г. Верховнымъ Совѣтомъ, по предложенію президента Вильсона, рѣшено было созвать особую конференцію всѣхъ правительствъ и партій, возникшихъ въ предѣлахъ б. русской государственной черты или боровшихся внутри ея — на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, что около Константинополя.*) Въ случаѣ если бы между ними прои-

*) Дѣйствительный починъ этой конференціи принадлежалъ Ллойд Джорджу. Вопросъ о генезисѣ этой неосуществившейся затѣи вызвалъ цѣлую литературу, особенно послѣ разоблаченій

зошло соглашеніе, представители «объединенной» Россіи встрѣтились бы затѣмъ съ представителями Союзниковъ.

Признаться мало такта было обнаружено при выборѣ для такой конференціи именно этого мѣста — многимъ изъ русскихъ поневолѣ напоминавшего о «Крестѣ на св. Софійи» и о видахъ Россіи на Константинополь! (Здѣсь имъ предлагался просто — видъ на Константинополь!) И можно было, при желаніи, усмотрѣть какой то злой юморъ въ самой мысли собрать въ одномъ мѣстѣ представителей враждовавшихъ между собою въ Россіи группъ — по сосѣдству, быть можетъ, какъ разъ съ тѣмъ необитаемымъ островкомъ того-же архипелага, куда, послѣ турецкой революціи 1908 года, свезены были и предоставлены взаимоистребленію знаменитыя бездомныя собаки стараго Стамбула.

По поводу проекта Принкипо, мы обратились къ конференціи съ заявленіемъ, что въ виду цѣли предложеннаго совѣщанія русскихъ партій и группъ на Принкипо — возстановить утраченное національное единство русскаго народа, Грузія, не будучи частью послѣдняго и добиваясь международнаго признанія своей независимости, не имѣетъ основанія принять участіе въ проектируемомъ совѣщаніи (28 января 1919 г.).

Въ одинаковомъ положеніи были по этому вопросу и нѣкоторые другіе бывшіе инородцы, нынѣ народы; нами производилась совмѣстная «развѣдка» относительно истиннаго смысла «принкипскаго» замысла конференціи; и, особенно французы, охотно признавали, что приглашеніе ѣхать въ Принкипо составлено въ крайне неясныхъ выраженіяхъ*) и не скры-

сдѣланныхъ (въ сентябрѣ 1919 г.) передъ комитетомъ внѣшнихъ дѣлъ С.-А. Сената бывшимъ сотрудникомъ американской делегаціи г. William Bullitt.

Первоначально предполагалось, собственно, пригласить въ *Парижъ* делегатовъ отъ всѣхъ правительствъ, возникшихъ въ предѣлахъ Россіи, не исключая и совѣтскаго. Отрицательно отнеслась къ этому (англійскому) предложенію Франція. Нота г. Пишона по этому поводу была «сенсационно» оглашена въ *Hu-manité*. Пишонъ былъ противъ приглашенія большевиковъ, но за допущеніе «разныхъ русскихъ національностей». Это было незадолго до официального открытія конференціи (18-го января 1919 г.)

*) «Въ неясности этого предложенія нѣтъ ничего удивительнаго: оно вѣдь исходитъ отъ президента Вильсона» — такое замѣчаніе не стѣснился сдѣлать одинъ изъ высшихъ чиновниковъ секретариата Конференціи!

вали, вообще, своего нежеланія бесѣдовать съ большевиками.*) Съѣздъ на Принкипо былъ назначенъ довольно опрометчиво, на 15-ое февраля, но не состоялся — изъ за нежеланія однихъ вступить вообще въ переговоры, а другихъ (совѣтцевъ) — приостановить военныя дѣйствія. Вся эта исторія славы не прибавила конференціи.**)

...Выяснялось, что до такъ наз. «разсмотрѣнія русскаго вопроса» и связанныхъ съ нимъ далеко. Надо было запасаться терпѣніемъ и работать «тихою сапою». Все, что необходимо было для освѣщенія грузинскаго вопроса, для объясненія и защиты независимости Грузіи нашло свое выраженіе въ рядѣ нотъ, излагавшихъ предметъ въ связи съ тѣми общими началами, какія могли интересовать конференцію. Начиналась вокругъ и около послѣдней та своеобразная жизнь или возня, которая не лишена была своего политическаго значенія, хотя участники ея имѣли отношеніе не столько къ вопросамъ, которыми конференція дѣйствительно занималась, сколько къ вопросамъ, которыми она могла, чего добраго, заняться — въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ.

57.

Въ виду такого положенія, вопросъ о прибытіи изъ Грузіи делегации, специально снаряженной грузинскимъ правительствомъ не имѣлъ уже практическаго значенія. Прибытіе ея въ Парижъ — въ томъ составѣ какъ она выѣхала изъ Тифлиса, т.е. съ совѣтниками, специалистами и пр., — было бы необходимо и желательнымъ, если бы кавказскіе вопросы, на какомъ либо основаніи, сдѣлались предметомъ обсужденія на конференціи. Этого, однако, не имѣлось въ виду. Съ другой стороны, по особымъ

*) По поводу зазорности всякаго соприкосновенія съ большевиками, о чемъ охотно кричали въ это время, недурно успокаивалъ Палату Общинъ Ллойд Джорджъ, напоминая, что вѣдь и на сѣверо-западной (индійской) границѣ нерѣдко приходится въ интересахъ достиженія порядка входить въ соглашенія... съ разбойниками и убійцами. Позже (въ 1920 г.) онъ доказывалъ, защищая торговое соглашеніе съ Россіей: «вѣдь торговали-же съ канибалами».

***) Планъ Принкипо проводился съ крайней небрежностью, безъ всякаго единодушія между формально принявшими его державами. Говорили даже о «саботажѣ». См. интересную главу Light on Prinkipo въ книгѣ *Sisley Huddleston. Peace-making at Paris. L. 1919.*

условіямъ этого времени, возможны были и всякія неожиданности. Важно было, поэтому, чтобы — на всякій случай — въ Парижѣ были на лицо представители грузинской республики, специально уполномоченные для того ея правительствомъ: мы вѣдь съ Д. Гамбашидзе были здѣсь лишь какъ-бы «предтечами».

Въ качествѣ такихъ представителей и прибыли, наконецъ, съ большимъ опозданіемъ, посидѣвъ въ разныхъ карантинахъ, Чхеидзе и Церетели (въ самомъ концѣ февраля 1919).

Имена ихъ были еще многимъ памяты (я говорю здѣсь о французахъ, не социалистахъ) въ виду положенія занятаго ими въ Петроградѣ въ первый періодъ русской революціи. Помнили, преимущественно, что они были противники большевиковъ. Отсюда собственно и ихъ политическая благонадежность въ глазахъ французскихъ властей. Что они-же были тѣсно связаны съ грузинскимъ правительствомъ «скомпрометировавшимъ себя съ германцами и турками», въ этомъ себѣ отчета не отдавали, по недостаточному еще знанію предмета. Они-же были въ 1917 году за миръ безъ аннексій и т. д.; за созывъ стокгольмской конференціи — это было уже сомнительнѣе, съ французской официальной точки зрѣнія; но въ такія мелочи никто теперь серьезно не вникалъ. Ободряюще дѣйствовала именно ихъ слава борцовъ съ большевиками; успокаивающе дѣйствовала именно ихъ репутация социалистовъ умѣренныхъ, *минималистовъ*.

Съ другой стороны, самая извѣстность ихъ именъ, связанныхъ съ политическими раздорами русскихъ партій, сбивала съ толку. Зная ихъ какъ русскихъ дѣятелей, выступавшихъ на огромной и отовсюду видимой эстрадѣ русской революціи, (сколько здѣсь возникло и сколько погубило репутаций!) не легко объясняли себѣ появленіе ихъ въ качествѣ дѣятелей *грузинскихъ*. Тѣ немногіе изъ иностранцевъ — англичанъ, французовъ — которые старались вдумываться въ вопросъ политической независимости Грузіи, могли даже усумниться въ серьезности этого лозунга — при видѣ столь внезапнаго превращенія; другіе, русскіе, получали поводъ кричать объ измѣнѣ, о скандалѣ. Недоразумѣніе усугублялось преувеличенною ролью, которая имъ приписывалась особенно русскими кругами въ государственныхъ дѣлахъ Грузіи: иные говорили даже о «тифлисскомъ правительствѣ Чхеидзе и Церетели», разумѣя грузинское правительство. На самомъ-же дѣлѣ, если ужъ упоминать лица, несравненно больше основанія было-бы гово-

реть о правительствѣ Жорданіа, Рамишвили, Гегечкори. Но суть была, конечно, въ самой Грузіи, подъ знамя которой всѣ эти дѣятели вынуждены были стать — вопреки имъ самимъ.

Отправляя въ Европу этихъ именитыхъ представителей грузинской социаль-демократіи,*) правительство Грузіи на-вѣрноерисовало себѣ (въ декабрѣ 1918 г.) — и оно не было въ этомъ отношеніи одинокимъ — парижскую конференцію въ видѣ ареопага, призваннаго насадить миръ благостный и справедливый. Въ этомъ ареопагѣ — говорили себѣ — первую скрипку будетъ играть президентъ съ 14 пунктами, а вмѣстѣ съ нимъ — «интернаціоналъ» — «международная демократія», представители организованнаго пролетаріата и т. д. И вотъ, когда «нашъ Карлъ» (Чхеидзе**) и «нашъ Ираклій» (Церетели) *выступятъ* передъ этимъ ареопагомъ, кто устоитъ тогда? у кого не потекутъ слезы, и кто не бросится ихъ обнимать? кто откажетъ имъ въ «независимости Грузіи»?

Такъ, вѣроятно, выборъ этотъ понимался въ «широкихъ слояхъ» грузинской демократіи. И пониманіе это, конечно, было-бы правильно, если бы, напри-мѣръ, интересы Британской Имперіи отстаивались на конференціи К. Каутскимъ, а Франція пригласила для заключенія справедливаго мира съ Германіей посредникомъ Брантинга... и еслибы Грузіи не грозило нападеніе ни съ чьей стороны. Словомъ, я хочу сказать, что подъ обаяніемъ одного изъ движущихъ миеовъ текущей исторіи, правительство Грузинской республики при-слало въ Парижъ Чхеидзе и Церетели.

Теперь нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Чхеидзе непременно войдетъ въ «галлерею портретовъ» дѣятелей мартовской русской революціи. Историческая школа, которая, въ будущемъ, займется словословіемъ зари этой революціи (и только зари), остановится съ вниманіемъ на живописной фигурѣ перваго предсѣдателя Совѣта Р. С. Д. Другія школы отнесутся къ нему по-иному. Какойнибудь фабрикантъ конфетъ несомнѣнно включитъ и Чхеидзе въ число тѣхъ, чьими ликами украсятся (не знаю въ точности—когда) жестики «монпансье». А какойнибудь спеціалистъ будетъ доказы-

*) Вышедшей изъ состава російской с.-д. партіи уже послѣ провозглашенія независимости Грузіи.

***) Чхеидзе въ Грузіи именуется «Карло», что не мѣшаетъ ему быть, одновременно, Николаемъ Семеновичемъ.

вать, что все «недоразумѣніе» заключалось лишь въ томъ, что Чхеидзе съ давнихъ поръ рисовалъ себѣ (ошибочно) ре-волюцію приблизительно такъ: сначала, огромное потрясе-ніе, смѣняемое скоро всеобщимъ умиленіемъ; производствен-ныя отношенія развиваются стремительно и самопроизвольно; Интернаціоналъ разрѣшаетъ шутя всѣ затрудненія; послѣ чего всѣ — и великодушные пролетаріи, и пристыженные бур-жуа — и даже бывшіе дворяне, о семи десятинахъ*), сядутъ за общій столъ, уставленный яствами и питіями; польется доброе кахетинское — а ему, Чхеидзе, быть тамъ «толумба-шемъ», чередуясь съ другими и т. д.

Историкъ (критической школы) прибавитъ, что Чхеидзе, происходя изъ страны, не имѣвшей еще промышленности, оли-цетворялъ можно сказать «соціализмъ виноградарей», неспо-собный проникаться истинно-пролетарскимъ революціоннымъ духомъ и... чуждый истинно-русскому пониманію революціи. Историкъ этотъ прибавитъ, наконецъ, что первый предсѣдатель С. Р. и С. Д., далеко не безъ хитрости проникшій въ 3-ю и 4-ю Г. Думу, во многомъ повторялъ — уже на вершинѣ своей карьеры — главныя черты перваго предсѣдателя Временнаго Пра-вительства (какъ его рисуютъ знающіе люди) — буддійское непротивленіе злу и растерянное благодуще.

Мѣсто Церетели въ «пантеонѣ русской революціи» и да-же высшая санкція славы въ видѣ изображеній на коробкахъ монпансье**), тоже, конечно, обезпечены. Но въ его карьерѣ было что-то особенное: внезапное «явленіе» во 2-ой Государ-ственной Думѣ — ораторская сшибка со Столыпинымъ; ис-чезновеніе, на десять лѣтъ, въ Сибирь; столь-же внезапное, но съ триумфомъ, возвращеніе въ Петроградъ, сразу на «куруль-ное кресло» революціи; бесплодное при всей горячности, стрем-леніе одновременно къ войнѣ, миру, углубленію социальной розни — все въ тактическомъ союзѣ съ буржуазіей и подъ предлогомъ научнаго веденія революціи, по Марксу; заклю-чительный жестъ Кассандры въ Учредительномъ собраніи — по адресу другихъ революціонеровъ, тоже научныхъ и тоже по Марксу. И вдругъ затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы: «демокра-тія Закавказья не позволитъ турецкому империализму»..., а

*) Норма землевладѣнія въ Грузіи въ 1918-21 г. г.

***) Впрочемъ, я припоминаю, что въ 1904 году выпущена была пастила «Куропаткинъ», шоколадъ «Леневичъ» и т. д.!

еще позже — «стратегическая граница для Грузии в Борчалинском уезде»...

Я съ нимъ впервые познакомился теперь въ Парижѣ. Впрочемъ въ 1917 г., въ бытность мою сенаторомъ 1-го Департамента, я по должности тамъ присутствовалъ, когда приво-дили къ присягѣ передъ сенатомъ только-что тогда назначен-ныхъ министровъ Временнаго Правительства (второго состава), въ ихъ числѣ и Церетели (другіе были: Прокоповичъ, Пѣше-хоновъ, Черновъ, Скобелевъ).

Лицо страдальческое, аскетическое — совсѣмъ съ полотно Греко; подходящая модель для св. Франциска, приемлющаго стигматы, или для какого-нибудь св. Себастьяна, пронизаемаго стрѣлами, въ византийскомъ духѣ; но, приглядываясь лучше, вы замѣчаете глаза, глядящія совсѣмъ изъ подлбья, по волчьему.

Пресимпатичные дѣятели эти принадлежали, очевидно, къ школѣ государственныхъ людей, столь распространенной въ Грузіи, — но и далеко за ея предѣлами, которую имѣетъ въ виду грузинскій писатель С. Сулханъ Орбелиани въ одной изъ притчъ «Книги мудрости и лжи». *) Собака и пѣтухъ побратались и сказали: «построимъ деревню»; собака спросила: «какъ же мы ее построимъ», а пѣтухъ отвѣтилъ: «ты будешь лаять, я — пѣть, — и построятся».

...Увы, увы! Когда надъ святой Русью, послѣ долголѣт-няго «пекликанія пѣтуховъ», возвѣщавшихъ разсвѣтъ, за-нялась заря революціи, не «розоперстрою, свѣторождающею Эось» явилась она, но скуластой могучей фуріей съ кистенемъ въ окровавленной рукѣ! Тогда и задорнымъ пѣтухамъ, раз-свѣтъ возвѣщавшимъ, и псамъ, протяжнымъ заунывнымъ воемъ сопровождавшимъ паденіе умиравшаго порядка, а, за-тѣмъ, залившимся радостнымъ лаемъ при восхожденіи рево-люціонной Авроры — оставалось одно: уступить мѣсто дру-гимъ, болѣе хищнымъ, болѣе приспособленнымъ представите-лямъ политическаго звѣринца!

Да сбудется сказанное у Дарвина и Маркса.

....Однако, довольно этого панегерика двумъ сановникамъ русской революціи, высвободившимся теперь изъ вынужденной грузинской тѣсноты на европейскій просторъ.

*) Есть переводъ англійскій, а также русскій (Книга мудрости и лжи. Грузинскія басни и сказки XVII-XVIII стол. Саввы-Сулхана Орбелиани. Пер. проф. Цагарели. Спб. 1878.).

Если бы состоялась «Принкипская конференція»... и эти «лидеры русской революціи» (такъ ихъ именовали парижскіе хроникеры), приняли въ ней участіе, они могли бы тамъ вернуться въ привычномъ для нихъ обществѣ. Въ Парижѣ, въ тѣхъ условіяхъ въ которыхъ на дѣлѣ протекала работа, я не видѣлъ, какое собственно практическое примѣненіе могли получить ихъ таланты.

Что Чхеидзе замкнется въ позиціи недѣланія*) и покорности року, это легко было предвидѣть. Отъ Церетели можно было ожидать большой активности въ области личнаго сближенія съ руководителями социалистическихъ партій въ Европѣ (что имѣло, конечно, свое значеніе); къ сожаленію у него не было ни малѣйшаго интереса къ кавказскимъ вопросамъ по существу, и недостаточное пониманіе ихъ общаго значенія.

Оба они легко и прочно привлекали къ себѣ и къ Грузіи симпатіи демократическихъ круговъ европейской политики: борьба за національную независимость Грузіи въ столкнове-ніяхъ враждующихъ Имперій была для нихъ задачей и неожиданной, и чуждой, и непосильной.

*) Это не исключало, конечно, прилежнаго и самоотвержен-наго обхода имъ всѣхъ делегацій и «персонажей», аккуратнаго и часто многострадальнаго «предсѣдательствованія» въ грузинской делегаціи и т. д.